

О НЕВЫСКАЗЫВАЕМОМ И СООБЩЕСТВЕ

Алёна Глухова¹

Abstract

The present article explores the notion of the unutterable as a mode of enunciation and proposes to treat the unutterable as the foundation of a community. It proceeds with Agamben's adaptation of the theory of enunciation by Benveniste. A parallel is drawn between the notions of the unutterable and the withdrawal by Nancy. The notion of reticence mentioned by Brogan is explored following his interpretation of Heideggerian *being-toward-death* as a foundation of community. The conceptual chain of the unutterable/community/being-toward-death is eventually explored on an ontic level as exposed in the politics of friendship by Derrida.

Keywords: the unutterable, community, being-toward-death, being-with.

Как иронично замечает Ханс Блюменберг в своём эссе о неконцептуальном², попытка прояснения проблемы границ охватываемого языком оказывается некоторой приговорённостью философии повторять штудии Гераклита, озабоченного разрывом между законом бытия и речами людей. Здесь следует вспомнить и о знаменитом витгенштейновском призыве «не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано³», и о предложении «молчать обо всём том, о чём невозможно говорить». Витгенштейновский запрет на смешивание высказываемого с невысказываемым, как и признание того, что не всё переживаемое нами в качестве опыта оказывается возможным для высказывания, не отменяет, однако, по мнению Блюменберга, ценность яростной, пусть и невозможной для выполнения попытки выразить невыражаемое.

В этой статье мы не претендуем на то, чтобы сказать невысказываемое (сорвать пелену молчания с того, о чём невозможно говорить), но хотим предположить, что невысказываемое содержит высказывание, оказывается разделяемым многими и, возможно, является своеобразной основой сообщества. Эмиль Бенвенист, теоретик высказывания, говорит

¹ Алёна Глухова – магистр гуманитарных наук (магистрант Paris 8 St-Denis).

² Blumenberg H. Prospect for a Theory of Nonconceptuality. В: Blumenberg H. *Shipwreck with Spectator*. Cambridge: MIT Press, 1997, 81–103.

³ Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*, [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://philosophy.ru/library/witt/01/01.html>. Дата доступа: 20.07.2012.

об *énonciation*⁴ как о процессе освоения языка или освоения мира через язык. Джорджо Агамбен⁵ упоминает запланированную Бенвенистом, но так никогда и не реализованную программу исследования за пределами сосюрговской лингвистики, предполагающую транслингвистический анализ текстов и разработку метасемантической теории. Речь здесь идёт, кроме всего прочего, и о том, что высказывание не обязательно должно сводиться к его содержанию (тексту сказанного), но оказывается важным и как само именование места быть, событие речи в действии. Когда мы говорим о том, что в сердце невысказываемого есть высказывание, мы не имеем в виду возможность интерпретировать это невысказываемое (разбирать его текст), но предлагаем рассматривать невысказываемое как модус речи.

Для более ясного понимания того, что мы имеем в виду, когда говорим о невысказываемом, обратимся к рассуждениям Нанси⁶ о специфике французского слова *retrait* (английского *withdrawal*), дословно переводящегося как 'удаление', 'исключение'. *Retrait/withdrawal* одновременно обозначает оставление наброска/следа/черты (*trait* – черта, линия, штрих). Таким образом, любое исключаемое остаётся присутствовать в форме отсутствия или в форме следа недавнего присутствия. Так невысказываемое может быть рассмотрено как место присутствия удалённого высказывания.

В диалоге с Жан-Люком Нанси о говорении вне возможности сказать (*Speaking without being able to*⁷) литературовед Анна Смок обращается к пассажиру из поэзии Луи-Рене Дефоре. Дефоре пишет о женщине, самой любимой, приходящей во сне, чтобы засвидетельствовать своё отсутствие. Речь идёт о том самом моменте, когда любимый нами Другой приходит для того лишь, чтобы сказать: «Меня здесь больше нет» и «Тот, кто пришёл, это не я». Его приход парадоксальным образом накладывает на нас обязательство говорить, как и любая близость живого существа. Это должествование, о котором упоминает и Бланшо («Нужно говорить. Говорить, даже не будучи способным⁸»), тотчас же сталкивается с невозможностью хоть что-то произнести, поскольку тот кто-то, кому наше высказывание может быть адресовано, больше не здесь и не нуждается в каком-либо из наших высказываний. Эта необходимость и невозможность говорить разламывают наш голос и вскрывают бессмысленность нашей попытки высказывания. В невысказываемом

⁴ Benveniste E. *Problèmes de linguistique générale II*. Paris: Gallimard, 1974, 80.

⁵ Agamben G. *Remnants of Auschwitz: The witness and the Archive*. New York: Zone books, 2002, 137–136.

⁶ «In French, a portrait was a *retrait*, like the Italian *ritratto* – which can be understood as “withdrawn” as well as “drawn again, a second time.” In the withdrawal, something (or someone) is withdrawn and drawn again»; см.: Nancy J-L., Smock A. *Speaking without being able to*. In: Nancy J-L. *The birth of presence*. Stanford: Stanford University Press, 1993, 316.

⁷ Ibid, 311–312.

⁸ Blanchot M. *L'entretien infini*. Paris: Gallimard, 1969.

становится важным именно это внутреннее противоречие между долженствованием, необходимостью говорить и невозможностью вымолвить хоть слово.

О невысказываемом (в терминах умолчания и несостоятельности языка) упоминает и Броган⁹, когда, обращаясь к текстам Хайдеггера, говорит о бытии-к-смерти как о том, что является предпосылкой сообщества, и рассуждает о *фундаментально общинном и соотносительном* характере *Da-sein*. Сообщество в данном случае понимается не как слияние тождественных друг другу индивидов, но как пространство *между* различающимися сущностями. Мы помним о том, что об умолчании как *сущностной возможности речи* пишет и сам Хайдеггер¹⁰, но нам представляется важным говорить о невысказываемом, опираясь на брогановскую трактовку текстов Хайдеггера в размышлениях о возможности сообщества. Сообщество, о котором говорит Броган (помня, конечно, и о Нанси), не оказывается движимым логикой обмена и подмены (себя – другим, занятия места другого). Сообщество или его возможность не предполагают обязательной включённости в постоянную коммуникацию; осознание собственной смертности и невозможности умереть за Другого приводит скорее к некоторому разладу коммуникации (плавного течения речи), но именно этот разлом и есть основание сообщества. Броган говорит об этом:

«..именно в несостоятельности языка сохраняется поэтическая открытость *Da-sein* по отношению к уходу (*the withdrawal*) другого и, таким образом – по отношению к возможности скачка в самую сердцевину коммуникации...»¹¹.

И далее:

«*Da-sein* сейчас полагается как вопрошатель, поскольку искание и удержание в вопрошании есть для *Da-sein* способ собирания и бытия-вместе с тем, что отлично от него»¹².

Броган видит возможность сообщества в сдержанности и умолчании как альтернативе праздной болтовне, в направленности и открытости. Сообщество удерживается долженствованием обращения, экстатической открытостью, молчаливым вопрошанием, возвращённым другому. Здесь важна *принципиальная непереводаемость* языка бытия-вместе, невозможность договориться в этом языке (невозможность подменить себя другим, невозможность умереть за другого); речь идёт о *языке несказанного*. Именно эта непереводаемость, это невысказываемое в сердце коммуникации возможного сообщества допускают инаковость и суверенность другого.

⁹ Броган У. Сообщество тех, кто на пути к смерти, *Topos*, 3 (2007), 117–129.

¹⁰ Хайдеггер М. *Бытие и время*. М.: Ad Marginem, 1997, 164–165.

¹¹ Броган, указ. соч., с. 126.

¹² Там же.

Можно предположить, что в невозможности договориться (присвоить будущее другого) и невозможности окончательно обменяться словами заключается возможность (стремление) бытия-вместе в сообществе. Основание сообщества – в коммуникативном разломе, возникающем на месте принятия-признания другого непереводимым и всегда ускользающим в смерть иным.

Мы хотели бы попытаться рассмотреть предположенное нами ранее, но уже скорее в онтическом, чем в онтологическом ключе, через текст Деррида, посвящённый политике дружбы. В конце концов, не является ли бытие-с другим в дружбе модусом сообщества?

Напомним, что текст Деррида¹³ начинается с цитаты, принадлежащей Аристотелю и приводимой Монтенем: «*O mes amis, il n'y a nul amy*». Таким образом, текст начинается с невозможного высказывания, разделённого на два времени: друзья/нет друзей.

Мы начинаем с тупика, с обращения и констатации отсутствия того, к кому обращаемся (который нам никогда не принадлежит), как если бы две части высказывания оказывались принадлежащими разным временным периодам. Как если бы между двумя разновременными высказываниями «о, мои друзья»/«нет ни одного друга» встреча оказалась возможной: апорический шанс для философии и дружбы. Как если бы можно было обратиться к другу, которого уже нет. Как Деррида дальше это поясняет:

«Какими бы несовместимыми и обречёнными на исчезновение в противопоставлении ни казались эти два времени, в некотором надёжно диалектическом желании они создают две тезы, два момента, следуют друг за другом, они показываются вместе, они предстают в настоящем... Эта задержка [несовпадение, *contretemps*. – А. Г.] благоприятствует встрече, она проявляет себя без опоздания, но и без отсрочки: нет обещанной встречи без возможности несовпадения»¹⁴.

«*O mes amis, il n'y a nul amy*» – это обращение, которое принадлежит кому-то другому (Аристотелю, цитируемому Монтенем). Этим другим является друг, который ушёл. Само действие цитирования другого, или моё ожидание того, как мой друг будет цитировать мои собственные слова (возможно, обращаясь ко мне напрямую), когда меня здесь больше не будет, является, по мнению Деррида, тем самым моментом, где начинается дружба. Кажется, что движущей силой дружбы является заранее вовлечённая память в преждевременное проговаривание (и невозможность этого про-

¹³ Derrida J. *Politiques de l'amitié*. Paris: Galilée, 1994.

¹⁴ Авторский перевод следующей цитаты: «Or si incompatibles qu'ils paraissent, et voués à s'anéantir dans la contradiction, voici que dans une sorte de désir désespérément dialectique les deux temps forment déjà deux thèses, deux moments peut-être, ils s'enchaînent, ils paraissent ensemble, ils comparaissent, au présent... Le contretemps sourit au rendez-vous, il s'y rend sans retard mais sans renoncement: pas de rendez-vous promis sans la possibilité du contretemps (Derrida, op. cit., 12).

говаривания) будущей надгробной речи. В конце концов, что есть дружба, если не эта готовность к скорби и обязательство любить друга *до, в, и за* пределами смерти? Деррида описывает эту готовность к потере как *тревожное опасение скорби*, неотступно преследующее друга ещё *до самой скорби*.

Говоря о несовпадении/задержке как о том, без чего невозможна встреча, Деррида использует французское слово *contretemps*, что обозначает не только «сбивающее с толку событие» или «несвоевременное выпадение». В музыке *contretemps* (дословно: синкопа) обозначает ноту, сыгранную в слабую долю, после которой следует или тишина, которая приходится на сильную долю, или, собственно, нота, сыгранная в сильную долю. Задержка/синкопа – это временной отрезок между двумя долями, неожиданное смещение акцента. В синкопе всегда есть стремление к чему-то, что следует позже, песня редко заканчивается на синкопе, это напряжение (задержка) должно найти своё разрешение. В каком-то смысле синкопа соединяет два времени/периода через ожидание разрешения. Эта тишина, включённая в синкопу, есть тишина невысказываемого, тишина смещённого акцента и, особенно, ожидания разрешения.

Задержка (синкопа) видится здесь как глубоко печальный акт любви, в котором любить другого означает предвосхищать скорбь, как если бы любое высказывание, обращённое к другу, заключало в себе невысказываемое, оказывалось заброшенным в попытке достигнуть его или её *за* пределами смерти. Эта задержка (несовпадение) оказывается коротким вторжением на неизвестную территорию, тем моментом, когда я забрасываю слова, обращённые к ушедшему другу, за горизонт.

Обращение к другу случается между двумя временами: тем временем, когда я мог обратиться к моему другу напрямую, на «ты», и другим, за горизонтом смерти друга. Это слово, которое даётся и тотчас же оказывается отнятым (зияет следом своего недавнего присутствия). Оно случается только через само-вычёркивание. Как если бы прояснение словом никогда не могло случиться. Как будто кто-то или что-то, будучи отнятым (уже сейчас) у настоящего, оставляет след своего раннего присутствия и остаётся присутствовать в форме отсутствия. Как будто невысказываемое являлось перформативным актом всегда последующей потери. Как если бы это долженствование говорить (долженствование, накладываемое близостью другого) и невозможность внятной речи заключали в себе направленность на сообщество.